

Герасимова Виктория

Я после.

Гирлянды подождут.

Текст

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виктория Сергеевна Дуся

Я после

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50364056

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-07895-6

Аннотация

Рассказ о том, как страшная болезнь собиралась отнять у меня все. Она очень старалась, но и я тоже. Содержит нецензурную брань.

Книга? Слишком много для этого. Рассказ слишком мало...

Думала ли я, что приду к такому моменту, когда решу написать, а главное зачем? Опять вопрос. Сейчас ответы есть, но появляются новые вопросы. Очень забавно начинать, словно вспоминаешь школьную программу или пары в универе. Как написать сочинение. План: вступление, основная часть, цели и задачи, концовка. А потом думаешь, ведь это моя жизнь, возможно ли ее так расфасовать? А главное концовка... Пишу.

Утро. 5 декабря. Тогда морозное зимнее утро, опять как в сочинении. Мы жили в однокомнатной хрущевке, в ней была какая-то магия, аура. Квартира угловая, поэтому солнце было всегда. Мы просыпались от розовых рассветных лучей и пили чай провожая день в насыщенных рыжих красках. Привычные дела изо дня в день, становятся программой, и так переходят в самую суть жизни. Как и у всех занятия приятные и обыденные. Домашние вечера, семейные праздники, встречи с друзьями. Самая обычная жизнь большинства моих ровесников. Ждём Новый год, строим планы на лето. Рождение ребёнка не особо меняет привычный уклад. Скорее добавляет к нему новые ритуалы. Чаше конечно приятные. Счастье переехало к нам в однокомнатную хрущевку, разложило всюду свои вещи, заняло все пространство... Пьёшь ли утром чай на кухне или вечером смотришь сериалы, оно по-

стоянно устраивается рядом. Мы к нему привыкли. Оно так явно заявило нам, что остаётся навсегда, что мы перестали его замечать. Только сейчас спустя 5 лет, я понимаю какая это была ошибка. Зимним утром, в отличном настроении и в хорошем самочувствии, а поводы так и сыплются: выпало много снега и настроение включает режим праздника, муж в отпуске, я в декрете, активируется творческая инициатива. Надо печь печенье. Выходной у всех, дом наполниться запахом сдобы, фигурные зайчики и медвежата будут радовать всех. О, как все должно быть хорошо и замечательно в это декабрьское утро.

Малюсенькая кухня, 4 квадратных метра. Но на ней все наше, все своё, сделано с любовью, мелочи для настроения, свечи с запахом корицы и яблок, икеевские безделушки, я в переднике с розовыми оборками. Молодая мама, маленькая худенькая хозяйка маленького мира, в котором все играет под ее руководством.

Мы всегда украшали подъезд снежинками, как в садах или школах на окнах. Мы их сами вырезали и клеили на стены на лестнице, они хорошо садились на ПВА. Нарежем штук 20 и спускаемся на первый этаж, в тапочках. В них какое-то определённо другое ощущение, на лестнице. Они словно попадая из другого мира, начинают функционировать по другому, дома они мягкие, тёплые и очень удобные,

на лестнице, они словно становятся больше и так и пытаются сбежать обратно в тепло. И сразу акустика от них в парадной совершенно новая, мы обычно бежим по лестнице в сапогах, ботинках, быстро не замедляясь: гом, гом, гом. А в тапках: шлынь, шлынь, шлынь, медленно спускаешься на первый этаж и начинаешь выдавливать из большого тюбика, с таким знакомым из детства запахом, каплю жирную клея и лепишь снежинку. Клей конечно в итоге попадёт на пальцы и ты катаешь его катаешь, чтобы снять, как со спины снимают обгоревшую летом кожу. Такие вот мелочи, такой вот зимний ритуал. Он поднимал настроение и казалась, что если его не сделать, зима не придёт.

Так было и на кануне того зимнего утра.

И вот тогда, с чувством выполненного долга, я подходила к процессу приготовления печенья. Наша семья была ещё молодой. Женаты мы 3,5 года, сыну полтора. Он родился на 2 месяца раньше срока и было очень много проблем, и тогда он начал ходить, уверенно даже бегать, казалось, что все проблемы уходят одна за одной. Живи и радуйся. Но люди, склонны постоянно чего-то ждать. Мы проводим всю жизнь в ожидании. В школе ждём каникул, мечтаем о них, планируем что-то. В институте ждём конца сессии, потом ждём окончания рабочего дня, потом ждём любимых с работы, потом ждём ребёнка, потом когда он начнёт ходить, говорить. Бесконечное ожидание нового года, отпуска, все циклами и само событие на 90% состоит из нашего ожидания, представ-

ления, мечтания. Что-то превосходит, что-то разочаровывает. Наслаждаться настоящим самое сложное занятие. В детстве это было будто проще.

Вот тесто почти готово, остаётся один ингредиент. Невольно переносишься в детство. Утро, не важно какое время года, мама или бабушка на кухне, в квартире тишина, в воспоминаниях почему-то всегда тихо, телевизор редко включался, в основном вечером или в праздники, радио бубнило, но его никто не слушал, а потому и не слышал. Я часто погружала сама себя в некий транс, вроде как специально – наслаждалась моментом: тишина на кухне что-то пекут, я в комнате сижу, чаще на полу, облокотившись на диван спиной, паркетный пол, покрытый лаком, роскошь 90х, покрывало пахнет пылью, но не сильно, а только если уткнуться в него носом. Мне не нужны стимуляторы, чтобы чувствовать прилив счастья, я в нем нахожусь, своеобразная медитация, только я и мои мысли... Потом добавляются запахи из кухни и звуки противеня, виртуальная реальность реальнее реального. У тебя есть все инструменты, ты сам вырабатываешь радость, вечный двигатель. Это было в детстве, голодные девяностые, нет я их не знаю, ели много, но еда самая простая, чтобы получить сытость. Давольно часто пеклись булочки с корицей, пирожки с луком и капустой, печенье. В гости всегда ходили с гостинцами, само по себе это слово, очень вкусное. Я росла в прекрасной семье, полной, любящей, единственный ребёнок. Никаких детских травм, в

меру избалованная. Почти все время проводила с бабушкой, родители работали, но бабушка была лучшей, я отражаю ее сейчас, этим горжусь. Все началось в детстве, это я узнала уже после.

В первом классе начались головные боли, сильные по несколько часов, до рвоты. Показывали врачам, те назначали обследования, итог был всегда один – пищевое отравление. Медицина в 90е начало 00х была на отъебись. Сейчас мало, что изменилось в бюджетном сегменте. Давали список продуктов которые нужно исключить, но все продолжалось, в итоге 8 летний ребёнок неделями ест гречку и пьёт воду. У мамы тоже болела голова, но не так. Во втором классе, я ещё на один шаг приблизилась к финалу. Вечер, в комнате тёплый свет ламп накаливания, тихо работает телевизор, мама смотрит его. Все молчат. Я смотрю в пол, лёжа на подушке. О чем то замечталась... Появляется какой-то дёргающийся огонёк. Я сную взглядом из стороны в сторону, он словно тень, бегаёт за мной. Я пугаюсь, но маме ничего не говорю, иду в ванну, мне тогда кажется, что это что-то попало в глаз, похожее на фольгу-маленький ребёнок. Смотрю пристально, в глазах ничего нет, поднимаю веки, все как всегда, но этот блик, такое бывает если смотришь на лампочку долго, а потом переводишь взгляд и яркое пятно появляется везде, куда не посмотришь. Оно дрожит, или крутится как зубчатое колесо, если закрыть глаза оно не исчезает, а наоборот видно его ещё чётче, словно под веком белая гирлянда в конвуль-

сиях мигает. Я вернулась в комнату и легла зажмурившись, раньше тонкое и яркое как серебрёная проволока под прожектором, оно стало бледнеть и расплзаться, все прозрачнее и больше, такое бывает если резко встаёшь и мушки в глазах. Этот блик чуть подрагивал и через час совсем исчез. Я ничего никому не говорила, я думала, что все сочтут что я вру или просто мне померещилось. После того как моя «галлюцинация» исчезла началась головная боль, та же самая как раньше, меня опять рвало. Тряпка мокрая на лбу, я бледная, худая, маленькая, с синяками под глазами лежу, а в голове, что-то тяжёлое, горячее стучит, перетекает, жмёт, давит, напирает и раздавливает. И снова тошнит, и вроде уже смиряешься с этим, принимаешь, а потом слезки катятся, не выносимо. Сейчас вспоминаю, а сердце сжимается от жалости к себе. Мама звонит с работы, бабушка ей в коридоре говорит тихо:

– У Викуши опять приступ.

Тишина.

– Все, что съела-все фонтаном.

Опять тишина.

– Лежит, может уснёт.

Мне все больно: свет, звук, даже своё дыхание как-то через силу.

К вечеру приступ проходит и словно крылья вырастают за спиной, мне хочется есть, играть, бегать, прыгать, все, все и побольше и сразу.

С первого блика все и пошло. Теперь перед каждым приступом он появлялся и раздражающе мигал как тревожная кнопка на борту, это всегда значило, что через 20 минут начнётся боль опять. Как условный рефлекс у собаки Павлова, я замечая его, старалась уйти в укромное место, что бы можно было лечь и тихонько переносить это. Я никому про него не говорила. Интернета не было и рассказать взрослым я не решалась, да и друзьям тоже. Ладно болит голова, ладно тошнит и рвёт, а как объяснить это? Приступы случались два, три раза в месяц. В школе я редко ходила на физру. Сначала у меня болела коленка, потом я просто болела, да и не любила я этот спорт. Мама писала мне записки, тогда ещё так можно было. А потом мы поехали в очередную больницу на обследование, я опять молчу. Мама объясняет :

– Поест этих чипсов, а потом рвёт ее, и голова болит, – врачи кивают, но их смущает, что так часто, ведь чипсы и прочие радости детства мне перепали не часто. Месяц на гречи, а меня все равно фонтанит. Назначают какие то таблетосы или капли. Нихера не помогает. Все стабильно. Блик. Страх. 20 минут противного ожидания. Боль. 4 часа голова как в пузыре тугом резиновом, а внутри словно на мозг давят раскалённые молотки.

Но пятого декабря, все было иначе, иначе была тогда и сама моя жизнь. В старших классах я ходила к врачу неврологу для справки по освобождению от физры. Доктор толстая очень миловидная и явно не старая женщина, с очками

и высоким, но чрезмерно спокойным голосом, видимо профессиональное. Спрашивала меня в 20 раз на что жалобы. В один из таких походов за справкой, я решила ей рассказать про свой маленький секрет. Про блик. Я его теперь так называю, и мне было даже не ловко ей о нем говорить. Это что-то интимное, только я о нем знаю. Но она не удивившись, поставила мне прямо там, в обшарпанной поликлинике, без результатов МРТи КТ правильный диагноз:

– У тебя мигрень с аурой. Редко, но бывает. Сосуды тому виной, – Дала справку, назначила колёса. Я вышла от неё, как убийца после исповеди. Это нормально. Я не одна такая, теперь можно всем рассказать, и никто не скажет, что я сумасшедшая. С возрастом приступы становились реже и проходили быстрее. Блик длился минут 10, часа два болела голова. И больше меня не рвало. После родов все прошло, видимо гормональный фон как-то на это влиял. Голова больше не болела, блик оставался. Он появлялся, длился минут 10 и исчезал. И никакой головной боли. Больше никогда. Спасибо природа.

И все-таки 5 декабря 2015 года. Наклеив вечером снежинки на обшарпанные зеленые стены парадной, я как и в детстве, сама себе добавляла радость в будни. Раньше это происходило просто, как дышать, теперь нужны были вспомогательные маяки. Гирлянда на окне, снежинки в парадной, «один дома» по телеку, снег за окном, запах печенья. Вот рецепт, и радость как радуга после дождя, начинает проби-

ваться. Но стоит какому-то элементу сработать не так, началось раздражение. В детстве, вообще это не проблема, ты с легкостью заменяешь его другим элементом и ещё больше погружаешься в это состояние.

Но 5 декабря все было как надо. Последним ингредиентом был экстракт ванили. Я покупала его впервые, запах у него был невероятный. Вот он, запах на который мозг однозначно реагирует положительно и эндорфины, эндорфинчики. Хорошо. На столе формочки для печенья, такие красивые, розовые, фиолетовые, оранжевые, желтые. Винни Пух и все, все, все. Тесто вышло как надо. В голове как на раскадровке: раскатать, вырезать формами, посыпать сахаром. Духовка достаточно разогрета. Чай надо заварить ароматный. Котикам моим понравится. Жму тесто руками. Левая рука. Сначала было ощущение, что она затекла и будто немеет. Я выпрямляюсь и наклоняю голову в разные стороны, мысли, что что-то защемило, начинаю чувствовать, как сердце начинает ускоряться, как дорогая машина улетает со старта. Так и оно, разгоняется, абсолютно мне не подвластно. Что-то происходит с языком. После стоматолога такие ощущения, когда колют новокаин или ещё что-то, он немеет. Первая мысль – аллергия. На ваниль. Ее в таком виде, жидкий экстракт, беру впервые, ну точно это оно. Зову мужа испуганно говорю, он открывает окно, чтобы проветрить этот запах. Чувствую сердце успокаивается, рука пока ещё немного занемевшая, но дышу холодным воздухом и мозг начинает отдавать телу

сигнал: отбой тревоги. Значит аллергия. Сука. Ваниль. Ну и ну. Прошу мужа доделать печенки, опять все не по плану, злюсь из-за этого. Проклинаю тот момент, когда в магазине, решила выпендриться и взять этот пузырьёк. Взяла бы дешёвый порошок и все было бы как задумано. Укладываем человека на дневной сон, и идём в кухню. Тут холодно, все холодное: стол, чашки, стулья. Даже подушки на уголке холодные. Зато запаха нет.

– Яичницу? Пока перекусим и ты печенки доделаешь?

– Хорошо.

Яичница готовится 6 минут. Идеальный ланч, особенно если ты не завтракал. Мне уже нормально, только злюсь, что такой я дебил, муж успокаивает:

– Ну ты же не знала.

– Это конечно.

Опять этот глупый выпендрёж. А может просто хотелось все на высшем уровне. В моём детстве и обычной ванили не было. Корица – да. А теперь хочется своему ребёнку самое лучшее, вот и формочки эти со зверюшками. У меня то металлические кружочки были или просто ножом накромсают это тесто порционно. Теперь есть все. Вот ты и каждый раз через голову прыгаешь, чтобы удивить, порадовать. Ладно хрен то с ней.

Едим яичницу. Пища богов. Во рту начинает срабатывать новая доза анестезии. Рука тоже немеет и сердце на ускорении. Паническая атака. Пытаюсь проглотить кусок. Тщёт-

но. Язык заморожен, хочу сказать мужу, картина жуткая. Еда выпадает изо рта, мне не сглотнуть слюну, он кидается к окну, опять все на распашку, я не чувствую воздуха. Сделать глоток не выходит, страшная паника, сердце уже во рту. Слова звучат странно. Мне очень, очень страшно. Почему-то вспоминается фильм с Уиллом Смитом, у него там аллергия была на раков или каких моллюсков, и он начинал отекать и задыхаться – отек квинке. Можно умереть. Надо срочно делать укол иначе отёк горла и я не смогу вдохнуть. Такие мысли. Сопровождается это тем, что я начинаю бегать в ванну и обратно, полощу рот и нос. Муж звонит в скорую. Из-за паники я полностью впадаю в истерику, что усугубляет состояние и без того критическое, каждый вдох кажется последним. Пожалуйста, спасите меня. Муж звонит моей маме, она живет рядом в соседнем доме.

– Вике плохо, можете прийти?

Тишина.

– Не знаю, наверное аллергия. Скорую вызвал.

Мама прибегает через 3 минуты. Ее лицо ещё больше заставляет меня нервничать, она начинает хвататься за телефон ещё раз звонить в скорую, кричит:

– Срочно, скорее, у меня ребёнок задыхается, – естественно я начинаю задыхаться. Уровень адреналина в крови выше чем у парашютистов перед прыжком. Сын просыпается, плачет, конечно тут настоящий дурдом. Скорая ехала минут 15. Они заходят. Я немного успокаиваюсь. Наверное меня

спасут.

Я плохо говорю и слюни льются, ощущение, что язык покусали пчелы. Но мне это только кажется. Муж объясняет, пекла печенье, там экстракт ванили. Врач меня осматривает, вторая записывает, и утвердительно кивая, говорит:

– Да, да такое бывает, – я пытаюсь оправдаться, что на ваниль раньше не было. Врач колит мне антигистамин. Я думаю, что сейчас все отпустит. Сейчас я вернусь в норму. Мы выкинем это тесто. И все проветрим. А потом будем вспоминать с сарказмом: – помнишь я чуть не умерла когда печенье делала?

Проходит 5 минут, 10. Состояние все тоже, слюни не проглотить, но паники уже нет, я же с врачами. Они знают, что делать. Врачи переглядываются, спрашивая каждую минуту, легче или нет, я мотаю головой, что не легче. Врач берет шприц и как бы оправдывая свои действия, объясняет:

– Сейчас адреналин вколем, чтобы быстрее лекарство заработало.

– Конечно, хорошо.

Укол. Как 20 чашек крепчайшего кофе сразу в кровь, сердце стучит, как никогда, оно даже не стучит, оно умоляюще тарбанит выпустить его. В голове что-то начинает давить, сильнее, сильнее и больнее, говорят в мозгу нет нервных окончаний, в тот момент казалось, что они только там. Весь мозг как один большой нерв. В него забивают раскалённую арматуру. От боли вскрикиваю, слёзы. Уже больше

года у меня не болела голова. Какое это было счастье, за эту минуту все наверстала. Врачи в смятение, меряют давление, переглядываются. Я не могу говорить, язык мешает очень.

– Поедете в больницу? Нам не нравится Ваше давление.

– Да.

Собирает меня мама, я уверена, что сегодня же вернусь домой. В больнице разберутся точно и сразу все будет хорошо.

– Все взяли?

– Да, – вспоминаю про таблетки противозачаточные, их нельзя бросать на середине курса. Мужу подмигивая:

– Таблетосы мои кинь в сумку, – врач это слышит, насто-
раживается:

– Какие? – Мне неловко он все-таки мужчина, да и я еле говорю, противозачаточные, слово то пиздец какое.

Он спрашивает:

– Давно пьёте? – Меня это удивляет, причём тут это. Я отвечаю:

– Полгода, как кормить перестала, гинеколог назначила. Я сама не просила, но сказали надо пить, что-то с гормонами было после родов. Да и вообще штука хорошая.

На этом все врач и медсестра взяли меня под руки и повели по лестнице. А мне почему-то показалось смешным, что нога левая волочится еле-еле, я смеюсь, что я такая трусиха – до этого переволновалась. Потом в голове это печенье, гори оно огнём, опять смешно. Сели в скорую мама едет следом за

нами. Муж и детёныш дома. Обещаю, что вечером буду дома. Врач садится со мной. Пристально смотрит. Опять спрашивает про таблетки. Я опять теряюсь. Отвечаю медленно, что бы слюна не потекла: тяжелые, преждевременные роды, 4 часа схваток – остановили, потом отслойка плаценты, потеряла много крови, экстренное кесарево, переливание крови. Сына переводят в детскую реанимацию, в городе Колпино. Там одно из лучших отделений неонатологии. У меня гематома в матке, в роддоме выписали уколы, мне нужно срочно перемещаться в Колпино, ребёнку нужно молоко мамы, оставаться в роддоме нельзя. Звонки в больницу: ребёнок пока жив. Покупаю уколы, ну больница же, кто-то мне точно сможет сделать укол. В детской все наотрез, как от огня:

– Мы тут только детей, за мам ответственности не несём. – Денег предлагала, выписку из роддома показывала. Ну нет и все. Что делать? Если не колоть будет гематома и надо будет оперировать, и я не смогу быть тут с сыном, а ему нужно чтобы я была рядом. Он ещё в реанимации. Принимаю решение колоть сама, лекарство это нужно было колоть в живот. Чтобы оно рассасывало гематому в матке. Шприц как инсулиновый. Выпить бы для храбрости. В туалете закрывшись достаю салфетки, дезинфицирующие, натираю живот. Колю. Заходит под кожу. Нажимаю. Пузырь вздувается. Блять. Все лекарство вод кожей. Ничего, со второй попытки надо не такой угол брать. Все проучилось. Странные ощущения. Салфетка, укол салфетка, все в мусорку, руки помыла. Готово.

После меня шприц в ведре – наркоманская эстетика. В этом что-то есть. Опять развлекаю себя как могу. Месяц ещё мы были в Колпино. Потом нас выписали и врач которая вела мою беременность, охая и ахая, заверяет, что как закончишь кормить, сразу начинай пить оральные контрацептивы. Врач говорит, значит надо. Ему лучше знать. Весной молоко закончилось, летом начала пить.

Рассказ этот врач слушал не кивая, не произнося ни звука, казалось он задумался о чем то своём, а я как радио ему вещаю. Мы приехали в больницу, вышли, нога не сгибается, взяли меня под руки, и как пьяного с вечеринки друзья-товарищи ведут. Зашли, положили в приемном покое. Ждём, мама приехала, причитает. Врачи со скорой ушли, мы ждём. Тут они возвращаются с каким-то мужиком запойного типа. Он просит меня показать ему язык. Я с радостью. Он что-то говорит врачу со скорой, и тот как бы выдохнув, говорит:

– Все нормально, ожидайте врача. – И уезжает.

Медсестры, врачи все как в броуновском движении. Лежу на каталке, белая плитка везде, шторка как в ванной, холодно. Каталка холодная, стены, даже занавеска холодит. За окном все белое, колючее, свет, бледный, неприятный, такой только в гос. больницах. Все для того, чтобы ты не задерживался, скорее поправляйся и убегай. Мама рядом. Уже спокойная и я спокойная, сейчас меня полечат и все вернётся. Завтра хотели ехать в магазин покупать гирлянды. Купим красивые длинные. Чем больше, тем лучше. Украсим

маленькую свою норку. И снова будет все мигать, радовать, потом купим подарки, бумагу упаковочную самую красивую. Будем вечером сидя на полу, под новогодние комедии упаковывать подарки. Сын тихонько сопит. За окном темно и медленно падает снег. От этого в доме ещё теплее. Я сварю горячий шоколад, в красивые чашки налью. Подарки сложим в стопки, они будут ждать своего часа, а мы будем прихлебывая пить и смотреть кино.

Но пока своего часа ждала я тут. Мама укрывает меня курткой, я криво улыбаюсь, приходит врач. Мама рассказывает все за меня. Я как щенок смотрю на врача, она на меня, как взрослая опытная собака. Я уже издаю отдельные звуки. Опять просят показать язык:

– Нет, это не аллергия. – Тишина. У меня в голове заработал компьютер. Варианты, алгоритмы. Как, не аллергия, что это может быть? Только она.

– Сколько лет?

– 23.

– Поднимите обе руки вверх. – Я послушно поднимаю. Правая легко взлетает, левая как в замедленной съемке, подняла. В левую будто вложили гирию – срывается падает на каталку. Врач просит назвать своё имя. В голове оно сложено, но выходит вовсе не оно.

Врач, осторожно говорит:

– Похоже аневризма, сейчас идите на томографию. Я привезу кресло, вы посидите.

Мама смотрит на меня вопросительно, она не знает что это. А я знаю. Мы смотрели сериал про Шерлока Холмса и там был эпизод про кэбмена, который убивал и не боялся, что умрет, потому что так и так был ходячий труп. Он тогда произнёс это слово. Аневризма – бах и в любой момент я умру. Маме говорить не стала. Зачем?

Мысли, сынок всего 1,5 года, я так о нем мечтала, мы так его ждали, так волновались за него, сколько потратили сил, слез и нервов, как тяжело ты достался. И теперь вот все хорошо. Диагнозы страшные позади, живи и радуйся, а теперь я умру. Это не справедливо. Мне так нужно отдать ему всю, всю свою любовь, рассказать, что он самый лучший в мире и я буду рядом всегда. Услышать первые слова. «Мама». Я не услышу. Вот этот прекрасный зимний день. Сколько мне осталось. Час? Неделя? Или может месяц... Как много ещё надо, необходимо. Поворачиваюсь к маме. Отвечаю:

– Не знаю, да все будет хорошо, люблю тебя, мам.

Она гладит меня по руке. Мне вроде легче, медленно если говорить, то слова похожи на речь. Она звонит папе. Разговаривает сбивчиво, еле сдерживаясь от слез, она не знает, что такое аневризма. Ей потом расскажут, как они это вынесут? Мои роды им полжизни стоили. Да и мне. Папа срывается с работы едет к нам. Он и тогда сорвался. Родители молодые, красивые, выглядят лет на 15 моложе своих лет. Мама с длинными волосами, стройная не высокая женщина. С ухоженными руками. Влезает в свои платья, которым по 20 лет,

хвастуля. Папка невысокий спортивный очкарик, с кудрявой головой. Любят друг друга 25 лет. Скандалов никогда не видаела, чаще шутят друг над другом. Мама вся правильная, питается только правильными продуктами, не курит и не пьёт, только домашнее вино и шампанское на Новый год. С папкой в студенчестве пили пиво летом часто у костра, были вегетарианцами 5 лет, с ним можно обо всем, он гоняет летом на кроссовом питбайке. Спортивный маленький мотоцикл. Когда он в шлеме и перчатках закатывается во двор, выглядит лет на 20. А вечером пивка с воблой. Святое дело, и угарать полуночи, над всякой херней. Прикурить сигаретку и музычку типо Земфиры, поем вместе, лица делаем, будто все понимаем и знаем мы про эту жизнь. Мама утром ругается, мол, черти опять всю ночь ржали, вот делать вам нечего. Мы лежим, мертвые. Спать, писать и пить. Но все это было лет в 17, 18, 19. Потом появился Муж. Он как-то сразу очутился своим в нашем кругу, тайном обществе пироманов. Внёс, так сказать, своего героя в нашу пьесу. Заиграло по-новому. Ещё лучше. Лето, костёр, ночь, на пеньке три кружки янтарным светятся, пачка сигарет, зажигалки, истории, смешные, страшные, про прошлое, про друзей, просто о ком-то. Байки, байки. Глоток холодного, не переставая рассказывать, сглатываешь, сигаретку, прищуриваясь зажигалкой чиркаешь, и губ не разжимая, бубнишь. Потом эта затяжка первая, и выдыхая заканчиваешь историю. Смех. Мышцы живота, только сокращаются, уже спазмами, кричишь: хватит, хватит, сей-

час умру, кончайте травить. Потом за сарай – писать. Романтика. Потом мы поженились, бросили курить, пиво тоже пили редко, в основном летом, но это уже ритуал. Традиция. Пузырь у воблы над спичкой. Как хорошо. Воздух на даче, расправляет все клетки, если они были зажаты стрессом или ещё чем. Тут сразу голова ясная, тело новое. Обновлённое. Еда вкуснее. Я заканчиваю институт иду на красный диплом. Через год после свадьбы, сдаём анализы, пьём витамины, ни пьём, ни курим полгода. Делаем детей. С первого раза залетели. Ура. Счастье в первозданном виде, животная радость. Бегу к родителям. Не телефонный разговор:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.